Культура безопасности: этапы эволюции и механизмы репрезентации с древнейших времен до современности

Тимофеева Лилия Львовна – д-р пед.наук, профессор, Московский психолого-социальный университет (Москва, Россия); timof3@mail.ru

Гафнер Василий Викторович – канд. пед. наук, доцент, Уральский государственный педагогический университет (Екатеринбург, Россия); gafnerw@mail.ru

Аннотация. *В статье на основе историко-культурологического подхода анализируются генезис и развитие культуры безопасности как фундаментального сегмента человеческой культуры. С опорой на модель, предложенную А.С.Белкиным и Е.В.Ткаченко, выделяются шесть последовательных этапов эволюции культуры безопасности: предрасполагающий, зарождения, синкретичности элементов, обособления элементов, созревания и развития. Каждый этап рассматривается через призму характерных кризисных явлений, ключевых новообразований и специфических механизмов репрезентации (трансляции) культурного опыта. Особое внимание уделяется процессу автономизации базовых элементов культуры безопасности – ценностей, норм, опыта, представлений и понятий, а также гносеологической роли культуры безопасности как основы древнейших протознаний. Доказывается, что эволюция культуры безопасности представляет собой диалектический процесс преодоления противоречий между меняющимися условиями существования человека и имеющимися средствами обеспечения безопасности, а ее развитие выступает одним из ключевых факторов антропосоциокультурного прогресса. В заключение обосновывается тезис о том, что современная педагогика безопасности является не инновацией, а возвращением к исконной антропологической функции образования – формированию компетентности выживания.*

Ключевые слова. *культура безопасности, эволюция культуры, антропосоциогенез, механизмы трансляции опыта, ценности безопасности, педагогика безопасности, историко-культурологическая модель, протонаука.*

Проблема безопасности является константой человеческого существования, а культура безопасности – одним из древнейших и наиболее значимых сегментов общей культуры человечества. Ее формирование и развитие неразрывно связаны с процессами антропосоциогенеза и культурогенеза, выступая одновременно их следствием и важнейшим условием. Культуру безопасности можно определить как исторически сложившуюся систему ценностей, норм, знаний, практик и артефактов, направленных на идентификацию, предупреждение и минимизацию угроз существованию и развитию человека, сообщества и человечества в целом. Ее генезис связан с формированием древнейших протознаний о выживании, что позволяет рассматривать безопасность жизнедеятельности как первичную протонауку, вокруг которой кристаллизовались начальные формы познавательной деятельности человека. Актуальность нашей статьи обусловлена необходимостью осмысления исторических корней современных практик обеспечения безопасности в условиях нарастания комплексных рисков техногенного, экологического и социального характера.

Целью данной статьи является описание результатов историко-культурологической реконструкции процесса эволюции культуры безопасности, выделение ее основных этапов и анализ механизмов трансляции соответствующего опыта подрастающим поколениям. Методологической основой для выделения этапов развития культуры безопасности послужила модель, разработанная А.С.Белкиным и Е.В.Ткаченко [1, с. 27]. Она основана на вычленении ключевых способов кодирования, организации и трансляции жизненно важного опыта. Каждый этап (предрасполагающий, зарождения, синкретичности и обособления элементов, созревания, развития) сопряжен с качественным изменением в доминирующих механизмах репрезентации – от биологической имитации и демонстративного поведения через мифо-ритуальные практики и традицию к формальному образованию. Данная модель позволяет не только хронологически упорядочить представления о развитии рассматриваемого сегмента культуры, но и выявить детерминанты возникновения кризисов и новообразований как движущих факторов эволюции.

Определение причин возникновения культуры безопасности как формы реализации потребности человека в выживании, развитии, выделение основных этапов ее становления, выявление общих закономерностей и аналогий процесса культурогенеза как составляющей антропосоциогенеза и инкультурации, происходящей в онтогенезе, описание сравнительных характеристик репрезентации культуры безопасности в разных социокультурных условиях рассматриваются нами как условие создания историко-культурологической модели развития культуры безопасности и как средство выявления наиболее эффективных механизмов присвоения культуры. Идея использования филогенеза и антропосоциогенеза как моделей онтогенеза (Б.Г.Ананьев, Л.С.Выготский, В.Дильтей, М.Коул, А.Р.Лурия) может рассматриваться в качестве эвристического принципа, способного объяснить протекание отдельных этапов становления и развития культуры безопасности индивида в онтогенезе [2].

Рассмотрим последовательно каждый из выделенных нами этапов становления и развития культуры безопасности.

Предрасполагающий этап: биолого-когнитивные предпосылки возникновения культуры безопасности. Начало формирования культуры безопасности связано с глубинным кризисом, пережитым предками человека в процессе антропосоциогенеза. Его суть заключалась в несостоятельности генетически фиксированных инстинктивных программ регуляции поведения в условиях радикальной смены экологической ниши, изменения климата и постоянной фрустрации базовых биологических потребностей [3, с. 40–41]. Инстинкты перестали быть эффективным инструментом выживания.

Разрешение этого кризиса стало мощным импульсом для развития психики. Результатом поиска новых поведенческих решений стало возникновение способности сохранять в памяти и применять по аналогии успешные действия. Это привело к формированию способности к научению, когнитивной работоспособности и интеллекта. Как отмечают исследователи, уменьшение роли инстинктов привело к увеличению ассоциативных отделов центральной нервной системы и развитию лобных долей мозга, ответственных за целеполагание и планирование [3, с. 66, 73–74]. Так возникла анатомо-физиологическая основа для целенаправленной деятельности.

Важнейшим психологическим новообразованием этого этапа стало осознанное стремление к безопасности. Чувство страха из сферы, управляемой инстинктами, перешло в область, контролируемую рассудком. И.П.Меркулов указывает, что возникновение самосознания сопрово-

ждалось осознанием негативных эмоций – страха, тревоги, предчувствия смерти [4, с. 98–99]. Избавление от негативных эмоций при успешном выполнении различных действий стало одним из ключевых мотивов учения в его первичных формах. Таким образом, безопасность начала функционировать как «идеальная целевая установка» [5, с. 171], стимулирующая преобразовательную активность.

Когнитивным фундаментом перехода на новый уровень мышления и обеспечения собственной безопасности для человека стали такие новообразования, как: формирование *прототипов опасности* (способность выявлять паттерны угроз на основе результатов наблюдения – за поведением хищников, сезонными природными явлениями и др.), развитие сложной *пространственной памяти*, необходимой для навигации и запоминания безопасных маршрутов, а также *эмоциональное научение*, обеспечившее закрепление связей между ситуациями и их негативными последствиями. Важнейшим социально-когнитивным условием стала развивающаяся «теория разума» – способность понимать намерения сородичей. Ее развитие сделало возможной кооперацию в целях безопасности (совместная охрана, охота). Поведенческие решения, доказавшие эффективность, не просто запоминались индивидами. Они многократно воспроизводились в повседневной жизни, становясь стереотипизированными групповыми паттернами – зародышем протокультурной традиции. Таким образом, восприятие опыта на предрасполагающем этапе развития культуры безопасности человечества осуществлялось путем имитации, подражания демонстративному поведению, эмоционального заражения и игрового поведения, моделирующего угрозы в безопасном контексте. Механизмы трансляции опыта безопасного поведения в рамках племенной организации были встроены в процессы непреднамеренной социализации и носили естественный неформальный характер.

Этап зарождения: культура как инструмент обеспечения безопасности. Следующий кризис в истории человечества был порожден противоречиями между биологической и социальной формами бытия, а также между усложняющимися условиями жизни и примитивным, недостаточным опытом освоения необходимых знаний и умений. Ответом на этот кризис стало возникновение культуры, которая изначально была культурой безопасности, т.к. первые ее элементы были связаны с обеспечением безопасности или чувства безопасности. Мы солидарны с мнением ученых, рассматривающих как синонимичные понятия «начало истории человечества», «возникновение культуры» и «возникновение культуры безопасности» [6]. Культура зародилась именно как средство «против опасностей природы, рока и травм, причиняемых самим человеческим обществом» [2].

На этом этапе организация поведения начала осуществляться на основе социальных закономерностей. Индивидуальная борьба за существование уступила место совместной деятельности. Ф.Кликс выделяет ряд ключевых новообразований человека и человечества, характерных для рассматриваемого этапа: целенаправленное изготовление орудий защиты, формирование умения оценивать явления с позиций потенциальной опасности, способность к принятию осмысленных решений и управлению поведением [3, с. 74, 77]. Развитие совместной деятельности (в частности реализация сторожевой функции в условиях общины) стало фактором возникновения речи и сплочения групп.

Демонстративное поведение эволюционировало в первые *проторитуалы* и *игровые модели* целенаправленного обучения. Например: молодое поколение в игровых схватках осваивало приемы обороны, а старшее – демонстрировало технику из-

готовления орудий для защиты и охоты. Археологические данные подтверждают качественный скачок в развитии культуры безопасности. Обнаружение первых укрепленных укрытий, следов организованной загонной охоты, массовых захоронений с признаками ухода за ранеными свидетельствует о примате коллективной безопасности. Социальная организация усложнялась: выделялись роли «сторожей» и «разведчиков», а ключевые решения принимались коллективно (например, советами старейшин). Накопленный опыт начал фиксироваться и передаваться из поколения в поколение через устные предания о прошлых опасностях и способах их преодоления.

Кумуляция и передача эмпирического опыта выживания составили ядро формирующейся культуры безопасности. Этот комплекс знаний, объектом которого был человек в его взаимодействии со средой, другими людьми, а предметом – распознавание и нейтрализация угроз, по своей сути являлся протонаукой о безопасности жизнедеятельности. Именно вопросы безопасности («Где вода?», «Какие растения ядовиты?», «Как построить укрытие?») были содержанием первых познавательных актов и основой для зарождения будущих научных дисциплин. Соответственно, «*первым учителем*» в истории педагогики был именно носитель и транслятор этого жизненно важного знания – старейшина, опытный охотник, знахарь, чей авторитет основывался на способности обеспечивать безопасность общины [7, с. 45–47]. Основным механизмом репрезентации культуры безопасности на этом этапе стало демонстративное поведение – поведенческие акты, нацеленные на обеспечение безопасности и ориентированные на подражание сородичами. Институтом социализации выступала община, в которой опыт передавался в ходе непосредственного включения младших в совместную со старшими жизнедеятельность.

Этап синкретичности элементов: мифология как хранилище опыта безопасного поведения. Усложнение социальной жизни привело к новым противоречиям и конфликтам ценностных систем. Ключевыми среди них стали противоречия между личными, групповыми и общественными интересами. Элементы культуры безопасности не существовали автономно, в синкретичном виде они были имплицитно представлены в мифологии. Миф, по определению К.Г.Юнга, являлся «воплощением коллективного бессознательного, хранилищем культурного опыта» [2].

Мифология выполняла ключевые функции в обеспечении безопасности:

• информационную: аккумуляция и передача представлений об окружающем мире, маркерах опасности (в понятиях «хаос», «чужой», «профанное», «сакральное») [8];

• мотивационную: сакрализация «правильных» действий, нормативная регуляция поведения;

• репрезентационную: приобщение новых поколений к коллективному опыту через обряды, ритуалы.

Миф выступал не просто хранилищем знаний и опыта, а сложноструктурированной программой. В универсальном сюжете о герое, побеждающем хтоническое чудовище, кодировался базовый алгоритм поведения в кризисе: распознавание угрозы → поиск помощников (инструментов) → преодоление → обретение блага (безопасности для общины). Ядро нормативной системы составляла *табуизация* – строжайшие запреты, санкционированные сверхъестественными силами, на действия, угрожающие целостности коллектива. Это создавало эффективный механизм социального контроля без необходимости постоянного внешнего надзора. Ритуальные практики (очистительные обряды, защитная магия) структурировали восприятие опасности

через систему пространственных («граница мира», лес), временных («ночь»), персональных («чужой», «дух») и деятельностных («нарушение табу») маркеров.

Мифология выступала мировоззренческим и гносеологическим инструментом, кодируя протонаучные знания о безопасности. Ритуалы и запреты (табу) часто содержали в себе рациональное гигиеническое или природоохранное зерно, будучи облеченными в сакральную форму. Таким образом, миф выполнял и дидактическую функцию, будучи «учебником по безопасности» для всего племени [9, с. 112–115]. Ключевым институтом трансляции знаний и опыта, а в большей степени правил выполнения отдельных действий и реализации поведенческих моделей, стали ритуалы. Особую роль играли ритуалы инициации, которые были связаны с получением сакральных знаний и эмоционально-физическим переживанием перехода из статуса «уязвимого» в статус «защитника» племени.

В мифологии содержались прообразы ценностного отношения к безопасности. При этом приоритетной, как и в более ранние периоды истории человечества, была коллективная безопасность (безопасность общины). В.Янкова отмечает, что в традиционной культуре безопасность для индивида – это прежде всего безопасность общности [10, с. 48]. Миф выступал средством регламентации поведения, «инструментом социального контроля» (В.А.Бачинин). Этап синкретичности можно обозначить как «детство культуры» (О.Шпенглер), в рамках которого социализация подрастающих поколений является непреднамеренной, а основные ее институты – община и семья.

Этап обособления элементов: качественный скачок в развитии культуры в эпоху древних цивилизаций. Неолитическая революция и переход к производящему хозяйству вызвали новый кризис, связанный с несоответствием прежнего уровня культуры безопасности новым реалиям оседлой жизни, развития ремесел, появления собственности. Это привело к качественному скачку – выделению и автономизации элементов культуры безопасности, ранее «растворенных» в мифологии [11].

На основе концепции культурных универсалий можно выделить следующие ключевые элементы, обретшие самостоятельность:

• *ценности* – безопасность становится ядром ценностной системы общества, ассоциируясь с другими ценностями (благополучие, истина, справедливость, правда, порядок, закон);

• *нормы* – формируются формализованные законы и моральные предписания, конкретизирующие представления о безопасном. Исторически первыми сложились образцы поведения, затем – правила и строжайшие запреты (табу), связанные с выживанием сообщества;

• *опыт и представления* – накопленный опыт осмысливается и обобщается, формируя устойчивые представления об опасном и безопасном;

• *понятия* – на определенном уровне обобщения представления оформляются в понятиях, закрепленных в языке, что делает феномен «безопасность» объектом рефлексии.

Процесс автономизации элементов культуры был напрямую связан с *институционализацией* безопасности. Она перестала быть делом всех, породив специализированные социальные институты: профессиональные воины и стража, законотворцы (см., например, кодекс Хаммурапи), инженеры, строившие укрепления и ирригационные системы. Параллельно шла смысловая дифференциация самого понятия «безопасность»: выделились аспекты *личной* (физическая неприкосновенность, честь), *коллективной* (безопасность полиса, государства), *экономической* (законы о собственности) и *сакральной* (ритуальная чистота) безопасности. Материальным

символом этой дифференциации стала *граница* (городская стена, лимес) – ключевой пространственный маркер, разделяющий территорию на «безопасное» (внутреннее) и «опасное» (внешнее).

Как показывает сравнительный анализ, в древних цивилизациях в процессе выделения понятия «безопасность» соответствующий феномен находил выражение через различные концепты: *маат* (порядок, истина) в Египте, *kittum* (истина) и *mīsarum* (справедливость) в Древней Месопотамии, даосский принцип «у-вэй» (следование естественному порядку) и конфуцианские нормы в Древнем Китае, законы Ману в Древней Индии [12].

Процесс автономизации элементов культуры безопасности сопровождался и дифференциацией изначально целостного протознания о выживании. Синкретичный комплекс практических знаний о безопасности начал распадаться на зачатки отдельных наук: знания о свойствах растений и животных легли в основу протобиологии, о материалах и их превращениях – протохимии, о пространстве и силах – протофизики, о внутренних состояниях человека – протопсихологии. Однако общей практической целью этих зарождающихся областей знания попрежнему оставалось обеспечение безопасности и выживания общины и индивида [13, с. 88–91].

На этапе обособления элементов культуры механизмы ее репрезентации существенно усложнились. Мифология уступила место комплексу традиций, «писаных законов», обычаев и более или менее объективных знаний. Развиваются философия и искусство как новые формы осмысления проблем безопасности. Языковая картина мира становится призмой, через которую воспринимается безопасность. Институтом трансляции по-прежнему остается семья, а приобщение к культуре безопасности происходит в процессе естественного традиционного воспитания.

Этап созревания: новые кризисы и поиск путей обеспечения безопасности в религии, философии и народной педагогике. Этап созревания характеризуется чередой кризисов, вызванных изменением источников опасности, устройства общества и механизмов трансляции культуры. Главные противоречия, как факторы возникновения кризисных явлений, как и ранее были сопряжены с неприменимостью сложившегося опыта в новых условиях.

Религиозно-мифологический кризис был связан с неэффективностью традиционных ритуалов как способов передачи опыта и регламентации поведения в условиях новых социальных потрясений. Поиск новых ответов привел к развитию философских школ (стоицизм, эпикуреизм), которые связали безопасность с внутренним состоянием и образом жизни индивида. Преодоление кризисов длительное время осуществлялось в рамках религиозных учений, которые выводили мотивацию безопасности за пределы земного существования, предлагая путь спасения через принятие божественных законов [14, с. 39; 15, с. 107]. Однако религиозное сознание, как отмечает В.В.Горлинский, часто ограничивалось «личностными смыслами озабоченности» и не выходило за рамки повседневности [16, с. 46]. Новый уровень рефлексии обеспечила философия. Е.А.Тюгашев считает, что философские школы античности стали фактором преодоления кризиса архаического общества [17, с. 23]. Параллельно в философском дискурсе, помимо античных школ, оформлялись восточные концепции: даосское «Дао» как путь гармоничной (а значит, безопасной) жизни и индийская «Дхарма» как соблюдение закона, обеспечивающего миропорядок и безопасность.

Социально-политический кризис, выразившийся в конфликте интересов, связанных с личной и общественной безопасностью, инициировал разработку политических теорий (Аристотель, Пла-

тон), в которых проблемы безопасности стали рассматриваться во взаимосвязи с функциями государства.

Педагогический кризис был вызван возникновением межпоколенческого разрыва из-за несовершенства устаревших механизмов передачи опыта (в том числе в сфере безопасности). Новые способы репрезентации культуры формируются в недрах народной педагогики, одним из них становится фольклор. В народных педагогических системах накопленный опыт приобщения детей к безопасности был «растворен» в повседневной жизни (Л.Д.Унарова) [18]. Инструментарий народной педагогики безопасности был жанрово дифференцирован: *страшилки* и *былички* формировали осторожность в конкретных бытовых и природных ситуациях; *волшебные сказки* предлагали алгоритмы преодоления экстремальных опасностей; *пословицы и поговорки* («Береженого и Бог бережет», «Не зная броду, не суйся в воду») служили емкими и наглядными нормативными предписаниями. Воспитательные практики включали как символические действия (обереги в колыбели), так и жесткие методы «естественного» закаливания (обучение плаванию через бросание в воду), а также постоянный контроль за осанкой и речью как элементами социальной безопасности.

Кризис традиционных форм трансляции культуры безопасности обострился в эпоху Нового времени (XVII–XIX вв.) в связи с радикальной трансформацией мировоззрения. Отказ от религиозного объяснения мира и утверждение разума как высшей инстанции породили новую установку: мир принципиально управляем на основе знаний, науки, технологий.

В политической философии эта установка оформлялась в разных моделях. Т.Гоббс в «Левиафане» (1651) в качестве гаранта безопасности в условиях гражданской войны видел государство, в котором индивид передает право на свою защиту суверену [19, с. 102–105]. Дж.Локк, сохранил естественное право на самозащиту за индивидом, представляя государство как инструмент защиты прав, а не заменой личной ответственности [20, с. 78–81]. Однако в массовой культуре утвердился упрощенный архетип: «государство как спасатель», способный обеспечить безопасность граждан без их активного участия. Этот архетип функционировал независимо от философских учений, и именно он как вера в достаточность институциональной защиты проник в дальнейшем в педагогическую практику.

Идеи Просвещения (Вольтер, Д.Дидро, Н. де Кондорсе и др.) укрепили веру в неограниченный прогресс разума. Н. де Кондорсе в «Эскизе исторической картины прогресса человеческого разума» (1795) развивал идею постепенного освобождения человечества от невежества и болезней благодаря развитию науки [21, с. 215–218]. Эта вера в «победу разума над хаосом» легла в основу индустриальной модели безопасности: если мир управляем, достаточно разработать действенные правила и технологии, и угрозы будут нейтрализованы.

Позитивизм О.Конта («Курс позитивной философии», 1830–1842) провозгласил науку единственным источником истинного знания [22, с. 55–58]. Безопасность стала восприниматься как техническая задача: измерить риски, разработать стандарты, внедрить технологии. Личный опыт распознавания угроз уступил место формальным инструкциям. Педагогика безопасности, еще не оформившись как наука, уже впитала эту установку: обучение должно сводиться к заучиванию правил, а не к развитию ценностной сферы индивида, его личностных качеств, опыта безопасного поведения в повседневной жизни, характеристик, необходимых для предвидения и преодоления опасных ситуаций (наблюдательность, риск-мышление, ответственность и др.).

Русская философская традиция предложила альтернативу технократической вере. В.С.Соловьев в концепции «общего дела» (1880-е гг.) утверждал, что подлинная безопасность человечества возможна только через нравственное единение людей, а не через технические решения [23, с. 134–137]. Н.А.Бердяев в «Философии свободы» (1911) подчеркивал: безопасность, построенная на отказе от свободы и ответственности, есть иллюзия – человек обречен на риск как условие духовного роста [24, с. 203–206].

Таким образом, на этапе созревания культура безопасности обогатилась глубокими мировоззренческими концепциями и отработанными эмпирическими практиками воспитания. Вместе с этим, репрезентации ее элементов попрежнему осуществлялась в русле «парадигмы традиции». Одним из итогов этапа стало формирование устойчивой когнитивной установки – «иллюзии управляемости», согласно которой совершенные социальные институты, наука и технологии гарантируют безопасность без необходимости развития личной компетентности выживания.

Этап развития: генезис педагогики безопасности в условиях глобальных вызовов. Современный этап развития культуры безопасности инициирован глубоким кризисом, вызванным не только техногенными рисками, но и появлением принципиально новых классов угроз: *информационных* (кибербуллинг, дезинформация), *психологических* (профессиональное выгорание, ментальное нездоровье), *экологических* (глобальное изменение климата). Корни кризиса рассматриваемого нами сегмента культуры – в противоречии между лавинообразным ростом новых угроз и неэффективностью традиционных моделей ее репрезентации. Оказалось, что традиционное воспитание с установкой на «управляемость» неспособно подготовить человека, умеющего адекватно реагировать на вызовы индустриальной и постиндустриальной эпох.

Этот кризис можно интерпретировать как крах «гоббсовской иллюзии» – устойчивой культурной установки, согласно которой государство подобно Левиафану способно обеспечить тотальную безопасность индивида, делая избыточным развитие личной компетентности распознавания угроз. Глобальные неуправляемые риски цифровой эпохи демонстрируют ограниченность модели «государство как единственный гарант безопасности». Современное общество вступает в фазу, которую можно условно назвать «постгоббсовской»: государство сохраняет роль создателя инфраструктуры безопасности, но индивид вновь вынужден брать на себя ответственность за распознавание и предотвращение угроз в условиях неопределенности [25, с. 67–71].

Осознание несостоятельности привычной философии жизни и практики воспитания повлекло за собой целенаправленное изучение проблем безопасности и становление специализированного обучения в области безопасности. Зарождение этого процесса было подготовлено «аксиологическим кризисом Ренессанса» (А.Л.Панищев), когда безопасность стала осмысливаться как фактор благополучия человека в земной жизни. В трудах философов (Т.Гоббс, Дж.Локк) и ученых (Агрикола, М.В.Ломоносов, Парацельс) закладывались теоретические и практические основы образования в сфере безопасности. Ключевым новообразованием XX в. стала *педагогика безопасности* [26, с. 9] – принципиально новый способ репрезентации культуры безопасности через систему целенаправленного обучения. Социальными детерминантами ее возникновения стали: осознание «небезопасного поведения» как главной причины травматизма [27], развитие наук о человеке и необходимость обучения безопасному обращению с техникой [28, с. 7].

Началась разработка учебных программ (первые – в США в 1916–17 гг.), подготовка педагогов, призванных знакомить обучающихся с принципами безопасной жизнедеятельности, проведение прикладных исследований.

Изучение истории динамичного развития педагогики безопасности позволяет проследить путь эволюционирования ее объекта от разработки узконаправленных учебных курсов по «технике безопасности» и «гражданской обороне» до процесса формирования целостной *культуры безопасности личности* на основе научных концепций и специализированных программ для разных уровней образования. Такой подход предполагает всестороннее развитие индивида, которому для обеспечения собственной безопасности, безопасности окружающих людей и природы требуются не только знания и навыки, но и ценностно-смысловое отношение к безопасности как условию самореализации, *критическое мышление* и *эмоциональный интеллект* для оценки рисков. Также сегодня важна *психологическая устойчивость* в мире, который обозначается в одной из современных концепций (С.Дерябин) аббревиатурой TACI (от слов «турбулентность», «случайность», «хаос» и «враждебность»).

На этапе развития культуры безопасности основным механизмом ее репрезентации становится формальное образование. Значимым институтом социализации, наряду с семьей, выступает система общественного образования. Происходит переход от стихийной трансляции к научно обоснованному, систематическому формированию компетенций в области безопасности. Характерной особенностью данного этапа являются стремительное увеличение и качественная трансформация механизмов трансляции знаний и опыта, приобщения к культуре. Значительно растет роль средств массовой информации, к формальному образованию добавляются социальная реклама, цифровые симуляторы (VR-тренажеры), геймифицированные приложения и общественные движения (за ЗОЖ, кибербезопасность и т.д.).

Заключение. Проведенный анализ позволяет уточнить тезис о педагогике безопасности как «новом» направлении. Исторически педагогика возникла именно как передача опыта выживания – «первый учитель» был учителем безопасности. Индустриальная эпоха временно вытеснила эту функцию, абсолютизировав веру в институциональную защиту («иллюзия управляемости»). Современные глобальные риски требуют не создания «новой педагогики», а восстановления ее утраченной первоосновы – формирования компетентности выживания в условиях неопределенности. В этом смысле педагогика безопасности – не инновация, а возврат к антропологической сути образования: подготовке человека к жизни в мире, где угрозы неизбежны, но могут быть распознаны и предотвращены благодаря развитою риск-мышления и личной ответственности.

Описание эволюции культуры безопасности – это история развития ценностей и социальных институтов, а также особого типа познавательной деятельности, изначально нацеленной на решение практических задач выживания. Историко-культурологический анализ подтверждает идею о том, что знание в сфере безопасности жизнедеятельности является древнейшей протонаукой, а педагогика безопасности – одной из первых форм целенаправленной трансляции опыта.

Выделение ключевых этапов развития культуры безопасности позволяет использовать закономерности, выявленные для фило- и антропосоциогенеза, при построении моделей приобщения индивида к рассматриваемому сегменту культуры в ходе онтогенеза. Для реализации данной идеи необходимо определить совокупность признаков, в рамках которой одни

процессы моделируют другие, специфику взаимообусловленности биологических и социокультурных аспектов развития, круг обоснованных аналогий в развитии человека (индивида) и человечества (вида). Подобные аналогии могут быть обнаружены в сфере возникновения и становления культуры безопасности на разных этапах онто-, фило- и антропосоциогенеза, в причинах и особенностях протекания кризисов развития, механизмах их преодоления, характеристиках элементов культуры безопасности, специфике их формирования во временной перспективе, в средствах репрезентации культуры и инкультурации индивида [2].

В XXI в. развитие культуры безопасности определяется рядом ключевых тенденций: ее *глобализацией* (формирование общечеловеческих стандартов), *цифровой трансформацией* каналов трансляции, *индивидуализацией* подходов и *проактивностью*, нацеленной на предупреждение, а не на реакцию. Перед исследователями и практиками встают новые вызовы: этический (баланс безопасности и свободы), технологический (контроль над искусственным интеллектом), экологический (устойчивое развитие), социальный (безопасность в поликультурном обществе) и психологический (ментальное здоровье в цифровую эпоху).

Дальнейшее изучение проблемы видится в русле сравнительных и кросскультурных исследований, исторической психологии восприятия опасности, социолингвистического анализа и прогностического моделирования сценариев развития в условиях антропогенных вызовов. В современных условиях грозящие человеку опасности имеют комплексный системный нелинейный характер, зачастую их нельзя свести к одной простой причине и нивелировать (предвосхищать) изолированно друг от друга. В этой связи возникает объективная потребность интеграции новых знаний вокруг ядра культуры безопасности. Для обеспечения выживания человечества необходимо возвращение к изначальной синкретичности культуры безопасности на новом витке развития.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Белкин А.С., Ткаченко Е.В.* Идеология, методология, научный аппарат историко-педагогического исследования // Образование и наука. 2006. № 1. С. 27–28.

2. *Тимофеева Л.Л.* Концепция формирования культуры безопасности у детей дошкольного и младшего школьного возраста: Монография. М.: Педагогика, 2021. 308 с.

3. *Кликс Ф.* Пробуждающееся мышление. У истоков человеческого интеллекта. М.: Прогресс, 1983. 302 с.

4. *Меркулов И.П.* Феномен сознания: когнитивные истоки культуры // Философия науки. 2000. Вып. 6. С. 84–108.

5. *Трельч Э.* Историзм и его проблемы. М.: Юрист, 1994. 720 с.

6. *Фрейд З.* Будущность одной иллюзии // Сумерки богов. М.: Политиздат, 1989. С. 94–142.

7. *Мид М.* Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. 368 с.

8. *Видт И.Е.* Образование как феномен культуры: эволюция образовательных моделей в историко-культурном процессе: Автореф. дис. ... д.пед.н. Тюмень, 2003. 44 с.

9. Структурная антропология. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.

10. *Янкова В.* Фольклор и культурная безопасность // Przeglad Naukowo-Metodyczny. Edukacja dla Bezpieczenstwa. 2011. № 3. P. 45–53.

11. *Поршнев Б.Ф.* О начале человеческой истории (Проблемы палеопсихологии). М.: Мысль, 1974. 487 с.

12. *Колганова Г., Петрова А.* Царь как гарант безопасности и стабильности государства (на примере Древней Месопотамии и Древнего Египта) // Безопасность как ценность и норма: опыт разных эпох и культур. Материалы Международного семинара, г. Суздаль, 15–17 ноября 2011 г. СПб.: Интерсоцис, 2012. 296 с. С. 128–138.

13. *Гайденко П.П.* Эволюция понятия науки: становление и развитие первых научных программ. М.: Наука, 1980. 567 с.

14. *Батбаяр Т.* Безопасность в языке, политической мысли и религиозной традиции монголов // Безопасность как ценность и норма: опыт разных эпох и культур. Материалы Международного семинара, г. Суздаль, 15-17 ноября 2011 г. СПб.: Интерсоцис, 2012. 296 с. С. 34–35.

15. *Филатов С.* Безопасность в социальной доктрине и практической политике Русской православной церкви // Безопасность как ценность и норма: опыт разных эпох и культур. Материалы Международного семинара, г. Суздаль, 15-17 ноября 2011 г. СПб.: Интерсоцис, 2012. 296 с. С. 107–120.

16. *Горлинский В.В.* Феноменологическая экспликация экзистенциальной безопасности // Философская мысль. 2017. № 5. С. 45–61.

17. *Тюгашев Е.А.* Проблема безопасности в античной философии. Новосибирск, 1999. [Электронный ресурс]. URL: http://filosoflO.narod.ru/lib/Security/ant.doc.

18. *Унарова Л.Д.* Поведение человека: социально-философское осмысление. М.: ИД «Академия Естествознания», 2012. 200 с.

19. *Гоббс Т.* Левиафан, или Материя, форма и власть государства церковного и гражданского. М.: АСТ, 2016. 448 с.

20. *Локк Дж.* Два трактата о правлении: Монография. М.; Челябинск: Социум, 2020. 496 с.

21. *Кондорсе Н. де* Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. М.: Юрайт, 2025. 193 с.

22. *Конт О.* Дух позитивной философии (Слово о положительном мышлении). Ростов н/Д: Феникс, 2003. 256 с.

23. *Соловьев В.С.* Чтения о Богочеловечестве. М.: Юрайт, 2024. 185 с.

24. *Бердяев Н.А.* Смысл творчества. Опыт оправдания человека. М.: Юрайт, 2025. 256 с.

25. *Бек У.* Общество риска: на пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 384 с.

26. *Гафнер В.В.* Предпосылки возникновения педагогики безопасности // Педагогика безопасности: наука и образование: Сб. материалов Всероссийской научной конференции с международным участием. Екатеринбург: УГПУ, 2012. Ч. 1. С. 5–13.

27. *Heinrich H.W.* Industrial accident prevention – A Scientific Approach. 4th ed. McGraw-Hill Inc., 1959.

28. *Pitcher L.* A study of safety education in the California secondary school shops with recommendations. MS thesis. Oregon State University.

Дата поступления – 19.02.2026

Security culture: evolution stages and mechanisms of representation from ancient times to the present

Liliya L. Timofeyeva – Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Moscow Psychological and Social University (Moscow, Russia); timof3@mail.ru

Vasiliy V. Gafner – Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Ural State Pedagogical University (Ekaterinburg, Russia); gafnerw@mail.ru

Abstract. *The article analyzes the genesis and development of safety culture as a fundamental segment of human culture. The authors use a historical and cultural approach. Based on the model proposed by A.S. Belkin and E.V. Tkachenko, six successive stages of the evolution of safety culture are distinguished: predisposition, emergence, syncretism of elements, separation of elements, maturation, and development. Each stage is examined through the lens of characteristic crisis phenomena, key innovations and specific mechanisms for representing (transmitting) cultural experience. Special attention is paid to the process of autonomization of the basic elements of security culture – values, norms, experiences, ideas and concepts, as well as the epistemological role of security culture as the basis of ancient knowledge. It is proved*

that the evolution of safety culture is a dialectical process of overcoming contradictions between the changing conditions of human existence and the available means of ensuring safety, whereas the development of safety culture is considered to be one of the key factors of anthroposociocultural progress. In conclusion, the authors substantiate the thesis that modern safety pedagogy is not an innovation, but a return to the primordial anthropological function of education which is seen as the formation of survival competence.

Key words. *Safety culture, cultural evolution, anthroposociogenesis, mechanisms for transmitting experience, safety values, safety pedagogy, historical and cultural model, protoscience.*

REFERENCES

1. *Belkin A.S., Tkachenko E.V.* Ideologiya, metodologiya, nauchnyj apparat istoriko-pedagogicheskogo issledovaniya [Ideology, Methodology, and Scientific Apparatus of Historical and Pedagogical Research]. *Obrazovanie i nauka* [Education and Science]. 2006. No. 1. P. 27–28.

2. *Timofeeva L.L.* Koncepciya formirovaniya kul'tury bezopasnosti u detej doshkol'nogo i mladshego shkol'nogo vozrasta: Monografiya [The Concept of Forming a Safety Culture in Children of Preschool and Primary School Age: Monograph]. Moscow: Pedagogika, 2021. 308 p.

3. *Kliks F.* Probuzhdayushcheesya myshlenie. U istokov chelovecheskogo intellekta [Awakening Thinking. At the Origins of Human Intelligence]. Moscow: Progress, 1983. 302 p.

4. *Merkulov I.P.* Fenomen soznaniya: kognitivnye istoki kul'tury [The Phenomenon of Consciousness: Cognitive Origins of Culture]. *Filosofiya nauki* [Philosophy of Science]. 2000. Issue 6. P. 84–108.

5. *Trel'ch E.* Istorizm i ego problem [Historicism and Its Problems]. Moscow: Yurist, 1994. 720 p.

6. *Frejd Z.* Budushchnost' odnoj illyuzii [The Future of One Illusion]. *Sumerki bogov* [Twilight of the Gods]. Moscow: Politizdat, 1989. P. 94–142.

7. *Mid M.* Kul'tura i mir detstva [Culture and the World of Childhood]. Moscow: Nauka, 1988. 368 p.

8. *Vidt I.E.* Obrazovanie kak fenomen kul'tury: evolyuciya obrazovatel'nyh modelej v istoriko-kul'turnom processe [Education as a Cultural Phenomenon: Evolution of Educational Models in the Historical and Cultural Process]: Avtoref. dis. ... d-ra ped. nauk. Tyumen', 2003. 44 p.

9. Strukturnaya antropologiya [Structural Anthropology]. Moscow: EKSMO-Press, 2001. 512 p.

10. *Yankova V.* Fol'klor i kul'turnaya bezopasnost' [Folklore and Cultural Security]. *Przeglad Naukowo-Metodyczny. Edukacja dla Bezpieczenstwa.* 2011. No. 3. P. 45–53.

11. *Porshnev B.F.* O nachale chelovecheskoj istorii (Problemy paleopsihologii) [On the Beginning of Human History (Problems of Paleopsychology)]. Moscow: Mysl', 1974. 487 p.

12. *Kolganova G., Petrova A.* Car' kak garant bezopasnosti i stabil'nosti gosudarstva (na primere Drevnej Mesopotamii i Drevnego Egipta) [The Tsar as a Guarantor of State Security and Stability (Based on Ancient Mesopotamia and Ancient Egypt)]. *Bezopasnost' kak cennost' i norma: opyt raznyh epoh i kul'tur. Materialy Mezhdunarodnogo seminara* [Security as a Value and Norm: Experience of Different Eras and Cultures. Proceedings of the International Seminar]. Saint Petersburg: Intersocis, 2012. P. 128–138.

13. *Gajdenko P.P.* Evolyuciya ponyatiya nauki: stanovlenie i razvitie pervyh nauchnyh programm [Evolution of the Concept of Science: Formation and Development of the First Scientific Programs]. Moscow: Nauka, 1980. 567 p.

14. *Batbayar T.* Bezopasnost' v yazyke, politicheskoj mysli i religioznoj tradicii mongolov [Security in the Language, Political Thought, and Religious Tradition of the Mongols]. *Bezopasnost' kak cennost' i norma: opyt raznyh epoh i kul'tur. Materialy Mezhdunarodnogo seminara* [Security as a Value and Norm: Experience of Different Eras and Cultures. Proceedings of the International Seminar]. Saint Petersburg: Intersocis, 2012. P. 34–35.

15. *Filatov S.* Bezopasnost' v social'noj doktrine i prakticheskoj politike Russkoj pravoslavnoj cerkvi [Security in the Social Doctrine and Practical Policy of the Russian Orthodox Church]. *Bezopas-*

nost' kak cennost' i norma: opyt raznyh epoh i kul'tur. Materialy Mezhdunarodnogo seminara [Security as a Value and Norm: Experience of Different Eras and Cultures. Proceedings of the International Seminar]. Saint Petersburg: Intersocis, 2012. P. 107–120.

16. *Gorlinskij V.V.* Fenomenologicheskaya eksplikaciya ekzistencial'noj bezopasnosti [Phenomenological Explication of Existential Security]. *Filosofskaya mysl'* [Philosophical Thought]. 2017. No. 5. P. 45–61.

17. *Tyugashev E.A.* Problema bezopasnosti v antichnoj filosofii [The Problem of Security in Ancient Philosophy]. Novosibirsk, 1999. URL: http://filosoflO.narod.ru/lib/Security/ant.doc.

18. *Unarova L.D.* Povedenie cheloveka: social'no-filosofskoe osmyslenie [Human behavior: social and philosophical understanding]. Moscow: Akademiya Estestvoznaniya, 2012. 200 p.

19. *Gobbs T.* Leviafan, ili Materiya, forma i vlast' gosudarstva cerkovnogo i grazhdanskogo [Leviathan, or the Matter, Form and Power of the Ecclesiastical and Civil State]. Moscow: AST, 2016. 448 p.

20. *Lokk Dzh.* Dva traktata o pravlenii: Monografiya [Two Treatises on Government: Monograph]. Moscow; Chelyabinsk: Socium, 2020. 496 p.

21. *Kondorse N. de.* Eskiz istoricheskoj kartiny progressa chelovecheskogo razuma [Sketch of a Historical Picture of the Progress of the Human Mind]. Moscow: Yurajt, 2025. 193 p.

22. *Kont O.* Duh pozitivnoj filosofii (Slovo o polozhitel'nom myshlenii) [The Spirit of Positive Philosophy (A Word on Positive Thinking)]. Rostov n/D: Feniks, 2003. 256 p.

23. *Solov'ev V.S.* Chteniya o Bogochelovechestve [Readings on God-Manhood]. Moscow: Yurajt, 2024. 185 p.

24. *Berdyaev N.A.* Smysl tvorchestva. Opyt opravdaniya cheloveka [The Meaning of Creativity. Experience of Human Justification]. Moscow: Yurajt, 2025. 256 p.

25. *Bek U.* Obshchestvo riska: na puti k drugomu modern [Risk Society: Towards Another Modernity]. Moscow: Progress-Tradiciya, 2000. 384 p.

26. *Gafner V.V.* Predposylki vozniknoveniya pedagogiki bezopasnosti [Prerequisites for the Emergence of Safety Pedagogy]. *Pedagogika bezopasnosti: nauka i obrazovanie: Sb. materialov Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem* [Safety Pedagogy: Science and Education: Collection of Materials of the All-Russian Scientific Conference with International Participation]. Ekaterinburg: UGPU, 2012. Part. 1. P. 5-13.

27. *Heinrich H.W.* Industrial accident prevention – A Scientific Approach. 4th ed. McGraw-Hill Inc., 1959.

28. *Pitcher L.* A study of safety education in the California secondary school shops with recommendations. MS thesis. Oregon State University.

Submitted – 19.02.2026